

У него на плечах – небо

Борису Васильеву — 80

Б. Васильев

Ни одно поколение не обладает правом назначить своего современника классиком. То есть попробовать, конечно, можно, но вероятность промашки слишком уж велика.

Знаменитейший Игорь Северянин объявил себя гением, главный поэт начала века Валерий Брюсов даже написал свой "Памятник". Похоже, оба поторопились – привередливые потомки ввели в школьные программы иные имена и вывесили на стены библиотек иные портреты. Сам Лев Николаевич невысоко оценивал Лескова, зато уважал Боборыкина – однако при последующем распределении призовых мест даже столь авторитетное мнение не учли. Бывает.

Зато у любой эпохи есть не худшая возможность – самой определить своих великих писателей. Здесь ошибок практически не случается. Есть у человека двадцать или тридцать миллионов читателей, признан и любителями, и профессионалами, переведен на множество языков, оказал сильнейшее влияние на жизнь – пожалуй, даже для столь высокого звания достаточно. И тут суд потомков ничего не изменит – у них свой пьедестал почета, у нас свой.

Так вот по всем перечисленным признакам Борис Васильев – великий писатель нашего времени. Его книги издавались миллионными тиражами на десятках языков. Среди могучей когорты писателей военного поколения он – один из самых ярких, честных и любимых. Я не знаю, сколько у него всевозможных премий и наград, потому что он сам этого не знает – регалии не имеют для него никакого значения. Он никогда

не рвался ни в какие президиумы, ни разу не был замечен в жадной толпе у трона – это к его удивительным книгам жадной толпой устремлялись читатели. В том числе и самые драгоценные из них – молодые. Не потому молодые, что лет мало – лет им бывало по-всякому, – а потому, что были способны и готовы резко изменить свою жизнь под влиянием случая, будь то трагическое потрясение, любовь или книга. Книга, по силе воздействия равная трагическому потрясению или любви.

У Бориса Васильева такие книги есть. Не все. Но много. Дай Бог каждому за долгую жизнь одну такую написать.

Не стану перечислять названия – зачем, и так ведь все знают. С первой серьезной публикации – повести со странноватым названием "А зори здесь тихие..." – так прочно вошел в большую литературу, словно был в ней всегда. Да ладно бы в литературу – в жизнь, в душу, в нравственность всех выросших с тех пор поколений. По книге поставлены замечательный фильм и спектакль-событие – подобное случайностью не бывает, потому что случайности такого уровня парами не ходят. И все последующие годы режиссеры дрались за право инсценировать или экранизировать Васильева. Не потому, что заведомо гарантировался успех – потому, что поставить его было как помолиться. Даже не лучших по натуре актеров работа над Васильевым делала людьми: потом трудно было жить так, будто ничего не случилось.

Он много писал о войне. Не только потому, что сам фронтовик. Он происходит из русской офицерской се-

мы, его более отдаленный предок, генерал Алексеев, был одним из героев Бородинской битвы. Отчасти, наверное, и поэтому для Бориса Васильева понятие личной чести значит очень много: он физически не способен ни солгать, ни струсить, ни отступить перед подлостью. Хотя в обычной жизни на редкость деликатен, терпим в споре и по-человечески обаятелен. Можно много говорить о том, что такое русский интеллигент, а можно просто произнести два слова: "Борис Васильев".

Наверное, у всех художников – впрочем, и у всех людей нашего времени – были проблемы с совестью. Не оттого ли знаком эпохи стало название фильма Тенгиза Абуладзе "Покаяние"? Не уверен, что Борису Васильеву было за что каяться. Но каюсь всю жизнь – за эпоху, за власть, за убитых и растоптанных, за ложь начальства, за жестокость толпы, за все грехи народа, к которому принадлежит и который так пронзительно любит. В сегодняшней России немало писателей, кого вполне заслуженно можно назвать нашей совестью. О втором в этом ряду готов спорить – а вот первый, без сомнения и оговорок, лично для меня Борис Васильев.

Говорят, незаменимых людей нет. К сожалению, есть. Об этих незаменимых замечательно написал Александр Городницкий:

*Из них ослабни кто-то,
И небо упадет.*

Вот уже почти сорок лет у Бориса Васильева на плечах – небо.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Фото ИТАР-ТАСС

Культура — 2004. — 27 мая — 2 июня. — с. 4